DOI: 10.19195/0137-1150.167.42

EMINE INANYR

Стамбульский университет, Турция

Историко-культурный дискурс „мифа жертвоприношения” в сопоставительном плане

Со временем мотив жертвоприношения трансформировался из явления, присущего отдельным культурам, в универсальный мотив. Ссылаясь на высказывание Елеазара Мелетинского о мифах, можем отнести его к „одному из художественных ритмов в эволюции мировой литературы”¹. Исследователь, представляя классификацию мифов (по Макс Фраю), которые соотносятся с четырьмя сезонными фазами в жизни природы, заход солнца, осень, смерть, описывает как „миф(ы) падения, умирания, насильственной смерти и жертвоприношения”².

Цель этого исследования — рассмотреть „миф жертвоприношения” в отдельных текстах древнерусской, болгарской и татарской литератур в социо-духовном контексте. Поэтому тексты выбранные нами в этой работе, рассмотрены главным образом сквозь призму тех особенностей, которые оказываются пересекаемыми на общем фоне мифопоэтики каждой отдельной национальной модели. В рамках именно этих параметров, мы подошли к рассмотрению отдельных литературных сочинений болгарской и русской литератур (частично татарской) в контексте интертекстуальных отношений. В фокус данного исследования вошли также некоторые дефиниции, которые, по-нашему мнению, являются важными с точки зрения генеалогии жертвоприношения.

Жертвоприношение — это богато развернутая стратегия мифологического мышления в духовной ментальности как русского, так и южнославянских народов, которая на протяжении столетий приобрела сакральное выражение страсти (по словам Мирча Элиаде: „миф повествует о сакральной

¹ Е. М. Мелетинский, *Поэтика мифа*, Москва 2000, с. 109.

² Там же, с. 109–111.

истории»³) и неосознанного страха, необъяснимого увлечения и отвращения, ненависти — „системы антагонистических сил, союза противопоставлений»⁴, какой является, по словам Пьера Брюнеля, сама структура мифа.

Наша довольно скромная задача состоит в том, чтобы сжато представить отдельные аспекты этой проблемы и рассмотреть их на конкретных примерах двух славянских литератур, а также татарской литературы.

В византийских, арабских, тюркских, восточнославянских и южнославянских сказаниях и летописях нередко упоминается о жертвоприношениях, следовательно, явление это связано с мифологическим моделированием нравственной системой этих народов. В отличие от традиций древнейших тюркских племен и греков, у которых принято рассчитываться за каждое сотворенное „зло” или „добро”, у славян часто наблюдается сплетение понятий наказание насильственной смертью синонимами жертвоприношения. Доказательством тому являются сведения о поводе написания исторических повестей⁵ *О зачале царствующаго великого града Москвы, како исперва зачатся* (сложенной во второй четверти XVII века) и *Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы* (написанной между 1652 и 1681 годами). В основе этих повестей лежит широко распространенный мотив о становлении больших городов ценою чьей-то крови: так основались Рим и Константинополь. Согласно преданию, так должна была возникнуть и Москва — будущая столица Руси. Отсюда становится ясно, что известной идее „Москва — третий Рим” сопутствует мотив жертвоприношения при строительстве нового города или новых сооружений, зданий.

Повесть *О зачале царствующаго великого града Москвы* начинается рассуждениями о том, как основы древнего Рима и второго Рима — Константинополь закладывались на крови, вот почему и Москва как третий Рим должна была создаться по „кровопролитию же и по закланию кровей многих»⁶. В доказательство этой мысли приводится рассказ о том, что:

в лето 6666 великий князь Юрий Владимирович шел из Киева во Владимир град к сыну своему Андрею Юрьевичу, и пришел на место, где ныне царствующий град Москва, по обеим сторонам Москвы-реки села красные. Этими селами владел тогда боярин некий богатый именем Кучка⁷.

³ М. Элиаде, *Аспекты мифа*, пер. В. Большакова, http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf [дата обращения: 10.08.2017].

⁴ P. Brunel, *Mythe et littérature in Mythe et littérature. Etudes reunies et présentées par Ernst Leonardy (Louvain-la-Neuve)*, „Recueil de travaux d'histoire et de philologie 6e serie Fascicule” 47, Bruxelles 1994, с. 29–40.

⁵ С. К. Шамбинаго, *Предание о Москве*, <http://works.tarefer.ru/58/100018/index.html> [дата обращения: 23.12.2008].

⁶ М. А. Салмина, *Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов*, Москва-Ленинград 1964, с. 42.

⁷ Там же, с. 47.

С евангельских времен число 666 считалось „числом зверя” — антихриста. Выбрав такое апокалипсическое число, автор, по мнению многих исследователей, хотел подчеркнуть, что само время создания Москвы предопределено судьбой и будто бы требовало жертвы⁸.

В данном случае речь идёт о событиях 1158 года, когда Юрий Долгорукий по пути из Киева во Владимир остановился на берегу Москвы-реки и за высокомерный прием, оказанный ему боярином Кучка, владевшим здешними селами, князь приказал его казнить.

После вступления в повесть вставлен год (1125), год восхождения на трон князя Юрия Долгорукого в Киеве и сына его Андрея — в Суздале. Повесть начинается с погодной отметки: в 1158 году великий князь Юрий, отправляясь во Владимир к сыну Андрею, по пути наехал на села богатого боярина Степана Ивановича Кучка. За то, что гордый владелец не оказал ему подобающей чести, Юрий велел убить его, а двоих сыновей, прекрасных юношей, и красавицу-дочь отослал к Андрею. Казни Кучки не было достаточно для строительной жертвы, братьями своей жены (дочерью Кучки) был убит и сын великого князя Юрия — Андрей Боголюбский, главный герой — мученик повести *О зачале Москвы*.

После этого князь Юрий велел срубить городок, назвав его Москвою, по имени реки, текущей у подножия горы. Приехав во Владимир, Юрий женил сына на Кучковне, заповедав ему расширить и заселить Москву.

Этим собственно и ограничивается рассказ о начале Москвы. Дальнейшее повествование представляет собой повесть об убийстве князя Андрея. В год женитьбы Андрей вернулся во Владимир, и в повести показана его семейная драма. Князь представлен в образе благочестивого нищелюбца, сурового аскета, от которого жена требует плотской любви. Озлобившись, она вступает в заговор с братьями, тайно приводит их к ложу своего мужа и предает его убийцам, которых вскоре после убийства постигает кара.

Интересно, что в романе современного татарского писателя Мусажита Хабибуллина *Сказание о Казани и дочери хана* (2005) автор, описывая события из истории создания города Казани — крупнейшего торгового центра Волжско-Камского государства булгар в XII веке, также использует мотив жертвоприношения живого человека в строительстве нового города. Внук великого хана Салима — Гали, был обречен своим дедом замуравыванию живым при возведении крепости Казань. По мнению Хабибулина, восходя к обрядам древних языческих народов, этот мотив строился на убеждении, что любое здание, любая крепость лишь тогда долговечны, когда при их основании приносится человеческая жертва⁹. События, описываемые в романе косвенно связаны с московской темой, автор неоднократно упоминает

⁸ Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, *История русской литературы. Том Первый. Древнерусская литература XVIII-го века*, Ленинград 1980, с. 47.

⁹ М. М. Хабибуллин, *Сказание о Казани и дочери хана*, Казань 2005, с. 178–181.

о соперничестве в торговле и строительстве, существующем между русским князем Андреем Боголюбским и болгарским ханом Салимом.

Мотивы замуровывания живого человека в стену, крепость, мост, фонтан, чтобы эти сооружения стояли крепко, известен как в южнославянском фольклоре, так и в отдельных образцах болгарской литературы эпохи национального возрождения. В поэме *Изворът на Белоногата* (Источник Белоногой, 1873), основатель болгарской реалистической поэзии Петко Славейков своеобразным образом изложил мотив жертвоприношения молодой девушки при строительстве нового источника в болгарской деревни Бисерча. Легенда о замуровывании тени молодой красавицы Герганы, не изменившей сельскому парню Николы, звучит как мифологическое сказание, в котором переплетены фольклорно-песенные выражения стихового послания Славейкова. В драматическом столкновении между героями поэмы, а именно османским везиром — влюбленным в Гергану и предлагающим ей неслыханные богатства и девушкой, до конца отстаивающей свою первую любовь, своих родителей — стариков, идеализма сельского быта — победила воля молодой красавицы. Везир „отпустил её на волю”, но его добронамеренность не была в состоянии отменить наказание черной ведьмы за нарушение национальных моральных стереотипов. Ведь молодая девушка часто встречалась со своим возлюбленным Николой в непривычное время, в полночь, когда кругом бродили „змеи, змеиные духи и ночные феи”¹⁰. Вот по этой причине молодая девушка была обречена на замуровывание живой в сельском источнике.

Этот вид жертвоприношения при строительстве, известный как мотив замуровывания невесты, часто встречается в фольклорной ментальности болгарского народа. Исследовательница Любомира Парпулова, реконструируя сложную семиотическую интертекстуальность мотива жертвоприношения при закладывании основ новых городов и построек, обратила внимание на процесс его адаптации в средневековые к религиозно-мифологическим ценностям болгар¹¹. Аналогичные выводы можно сделать и по отношению к русскому циклу повестей о начале Москвы. Следует отметить также, что одна из самых интересных повестей второй половины XVII века, *Повесть о Тверском отрочем монастыре*, по принципу сюжетной непредсказуемости, использованию мотивов семейно-обрядового фольклора и мотива жертвоприношения перекликается с поэмой *Источник Белоногой*. Повесть рассказывает о любовной драме, связанной с основанием Отрочь монастыря при первом великом князе Твери Ярославле Ярославовиче. Ксения, дочь деревенского пономаря, на которой хотел жениться Григорий, в день их свадьбы, отвергла жениха и вышла замуж за князя. Несчастный Григорий ушел в лес —

¹⁰ И. Радев, *История на българската литература през Възраждането*, Велико Търново 1997, с. 240–242.

¹¹ Л. Парпулова, *Към реконструкцията на отношенията между фолклор и религия на Балканите през средните векове (Въз основа на баладата „Взрадена невеста”)*, „Българска етнография” 1990, № 3–4, с. 28.

стал отшельником, потом построил Отрочь монастырь, подстригся в монаха и умер в построенной им обители.

Юрий Лотман, исследуя структуру мифологических текстов, отметил, что они представляют собой особую модель мира. Им незнакомы категории „начала” и „конца”, текст воспринимается как непрерывно повторяющееся устройство. В таких текстах пестрота мира представлена в инвариантных образах. По выражению Лотмана, мифологические тексты:

сводили мир эксцессов и аномалий, который окружал человека, к норме и устройству [...] трактовали не об однократных и внезакономерных явлений, а о событиях [...] бесконечно репродуцируемых и, в этом смысле, неподвижных [...] Регулярность повтора делает их не эксцессом, случаем, а законом, иманентно присущим миру¹².

Исследуя мотивы жертвоприношения в отдельных литературных сочинениях вышеуказанных литератур в траектории время-пространство, с одной стороны, мы не встретили изобразительных вариантов в прямом смысле ритуального исполнения, а, скорее всего, заметили нарративные модели, имеющие символическое внушение. Регулярность повтора в отмеченных литературных текстах, придает мифу жертвоприношения иманентное значение и заодно превращает его в своеобразный вид традиционного ритуала. С другой стороны, вследствие наложения семантических значений жертвоприношения, замуровывания в культурно-историческом диахронном плане, оказалось, что тексты функционируют в разных контекстах и вызывают различные рефлексии, присущие каждой отдельной культурной среде. Следовательно, для понимания мифа жертвоприношения и для восприятия его в надлежащем контексте, прежде чем перейти непосредственно к нему, необходимо описать условия той культурной среды, которая воздействует его появлению.

Библиография

- Лихачев Д. С., Макогоненко Г. П., *История русской литературы. Том Первый. Древнерусская литература XVIII-го века*, Ленинград 1980.
- Лотман Ю. М., *Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история*, Москва 1999.
- Мелетинский Е. М., *Поэтика мифа*, Москва 2000.
- Парпулова Л., *Към реконструкцията на отношенията между фолклор и религия на Балканите през средните векове (Въз основа на баладата „Вградена невеста”), „Българска етнография” 1990, № 3—4.*
- Радев И., *История на българската литература през Възраждането*, Велико Търново 1997.
- Салмина М. А., *Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов*, Москва-Ленинград 1964.
- Хабибуллин М. М., *Сказание о Казани и дочери хана*, Казань 2005.

¹² Ю. М. Лотман, *Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история*, Москва 1999, с. 209.

Шамбинаго С. К., *Предание о Москве*, <http://works.tarefer.ru/58/100018/index.html>.

Элиаде М., *Аспекты мифа*, пер. В. Большакова, http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf.

Brunel P., *Mythe et littérature in Mythe et littérature. Etudes reunies et présentées par Ernst Leonardy (Louvain-la-Neuve)*, „Recueil de travaux d’histoire et de philologie 6e serie Fascicule” 47, Bruxelles 1994.

Historical and cultural discourse of “myth of sacrifice” in the comparative plan

Summary

The aim of the article is to investigate the myth of sacrifice in socio-cultural context, which could be defined as universal rather than a specific national one. It also examines the topos of its manifestations in literary life of the neighbors: Russian, Bulgarian and Tatar. Therefore, the selected texts are presented mainly through those characteristics, which are proven to be points of intersection for the general background of mythopoetics and peculiarity of each national model. Particular folklore and literary works are scrutinized from intertextual perspective. The study focuses also on some definitions that are believed to have great significance for genealogy of punishment and its variety — “blood revenge”.

Keywords: myth, sacrifice, intertextual perspective, Old Russian literature

Исторически и културен дискурс на „мита за жертва” в сравнителен план

Резюме

Целта на това изследване е да разгледа мита за наказанието в един социално-духовен контекст, който може да бъде означен по-скоро като универсален, отколкото като конкретно-национален, а също така да се потърси топоса на неговите прояви в литературния живот на съседните народи: руския, българския и турския. Затова избраните текстове са представени главно чрез онези характеристики, които се оказват пресечни за общия фон на митопоетиката и конкретиката на всеки един национален модел. В тези параметри са разгледани отделни фолклорни и литературни творби в интертекстуални отношения. Във фокуса на изследването попадат също така и някои дефиниции, които по наше мнение са важни за генеалогията на наказанието и неговата разновидност „кръвното отмъщение”.

Ключови думи: мит, наказание, интертекстуален аспект, древноруска литература